

Аже представить не мог, как далеко может зайти поиск ответа на, казалось бы, невинный вопрос: «Почему российские власти так рьяно глушат пользователей «ВКонтакте», проявляя при этом безразличие к обитателям фейсбука?»

Если копнуть глубже, всплывет много других — благо тоже мнимых — противоречий: почему, к примеру, закрыли доступ на территории РФ к LinkedIn, оставив без внимания остальные социальные сети, которые как не хранили данные российских пользователей на российских серверах, так и продолжают не хранить?

Первое приходящее в голову объяснение предвзятости отношения государства к обитателям «ВКонтакте»: руководство этой социальной сети, мол, настроено на сотрудничество с госорганами и готово по первому требованию представить исчерпывающую информацию о любом своем пользователе.

Гипотеза, однако, ошибочна, ибо не учитывает двух факторов. Во-первых, при желании государство без особого труда и посторонней помощи может получить доступ к *любой* информации *любого* пользователя *любой* социальной сети. Если уж случайная коммерческая структура заваливает нас ежедневно потоками точечной и целевой рекламы, явно опираясь на знание самых интимных наших вождений, неужели компетентные государственные органы не сумеют узнать о нас все, что только пожелаю?

Из сказанного вытекает второй, ключевой, фактор: репрессивные действия в социальных сетях никогда не ведутся ради наказания рядовых пользователей. Потому что рядовые пользователи в виртуальном мире так же никому не интересны, как и в мире реальном. Наказывают не из мести конкретным личностям, а ради устрашения определенных *социальных групп*.

Соответственно, если мы хотим понять логику избирательного наказания пользователей «ВКонтакте», то искать ее нужно не в специфике Mail.Ru Group, а в конкретном срезе общества, который эта социальная сеть обслуживает. Поток осуждений пользователей «ВКонтакте» по 282-й статье — это послание, которое власть хочет донести до социальных групп. Вероятно, тех, которых опасается больше остальных.

Чем глубже я погружался в эту тему, тем сильнее отдалялся от политики и в конце концов пришел к тому, откуда должен был, в силу образования, начинать — к языку. Только оценив социальные сети Рунета в контексте эволюции *языка самовыражения* его пользователей, мы сможем объяснить и странные предпочтения власти, и — всегда же хочется видеть свет в конце туннеля! — отыскать повод для социального оптимизма.

До появления социальных сетей мировая компьютерная сеть была сугубо информационным пространством. Своеобразной цифровой супергазетой и суперэнциклопедией, в которых безмолвная толпа пользователей могла просветиться на любую интересующую тему. Интернет стал заменителем библиотек, а его интерактивный аспект ограничивался интимным общением пользователей в частных почтовых ящиках и локальных форумах.

До середины нулевых годов в Рунете царил такой же дух, что и в доцифровую эпоху. С конца 90-х я вел колонку в бумажно-цифровом журнале «Компьютерра» и однозначно ощущал себя чужаком из анекдота (того, что писатель, а не читатель). Верилось, что одним суждено писать, а другим — только читать. Как, собственно, и было заведено испокон веков.

В 2006 году в русский сегмент интернета ворвался тренд, который несколькими годами ранее произвел революцию в западном мире, дополнив гигантскую библиотеку гигантским Гайд-парком.

В марте 2006 года российский веб-разработчик Альберт Попков запустил проект «Одноклассники». В октябре братья Дуровы зарегистрировали доменное имя **vkontakte.ru** и открыли одноименную социальную сеть. В том же месяце компания Александра Мамута и Эндрю Полсона Sup Media сначала завела кириллический сегмент в американском «Живом журнале», а затем полностью выкупила эту социальную сеть у программистов Six Apart.

К тому времени уже три года в мире существовали еще две социальные сети — демократичная Facebook и профессиональная LinkedIn, однако им не доставало русскоязычного интерфейса и потому долгое время они оставались на обочине Рунета.

В основе всех социальных сетей лежат два универсальных принципа, впервые реализованных в 1995 году американским порталом Classmates.com: потребность людей в самовыражении и их тяга к *социальному поглаживанию по головке*, которое в цифровом мире обрело форму лайков.

Социальные сети заимствовали универсальные принципы, однако завлекли различные слои общества жанровым своеобразием. Так, «Одноклассники» позволяли оставить свой след в истории, привлекая в первую очередь нетизанов, лишенных метафизических амбиций и прежде довольствующихся вырезанием ножичком маркеров на деревьях («Здесь был Вася», «Коля + Маша = любовь»). В цифровом пространстве у них появилась возможность собирать лайки под незамысловатыми констатациями типа «пошел в 1 «Д» класс», «дружил с Петей», «помню, как поцеловал Люсю из соседнего подъезда», «служил на флоте».

Более претенциозные пользователи обрели в «Живом журнале» возможность самовыражаться на приподнятом — графоманиакальном — уровне: лайки в этой социальной сети раздавались уже не за голую экзистенцию, а за стилизованный под художественную литературу текст, известный как лытдыбр (т.е. дневник, если записать это слово в латинской раскладке клавиатуры).

Подрастающему поколению в равной мере были непонятны и ностальгия по школьной парте (их детство еще не закончилось), и комплексы советского самиздата (этой памяти вообще не было), поэтому молодежь, проигнорировав «Одноклассников» и «Живой журнал», предпочла «ВКонтакте».

В 2008 году русскоязычным интернет-фейсом обзавелся Facebook, в 2011-м — LinkedIn, однако хлынувшие на волне любопытства массы с удивлением обнаружили, что дикие территории уже давно обжиты хоть и малочисленной, но вполне репрезентативной прослойкой общества. «Старожилами» оказались космополитичные нетизаны, которые не то что не боялись иностранных языков, а, напротив, тянулись к международному общению.

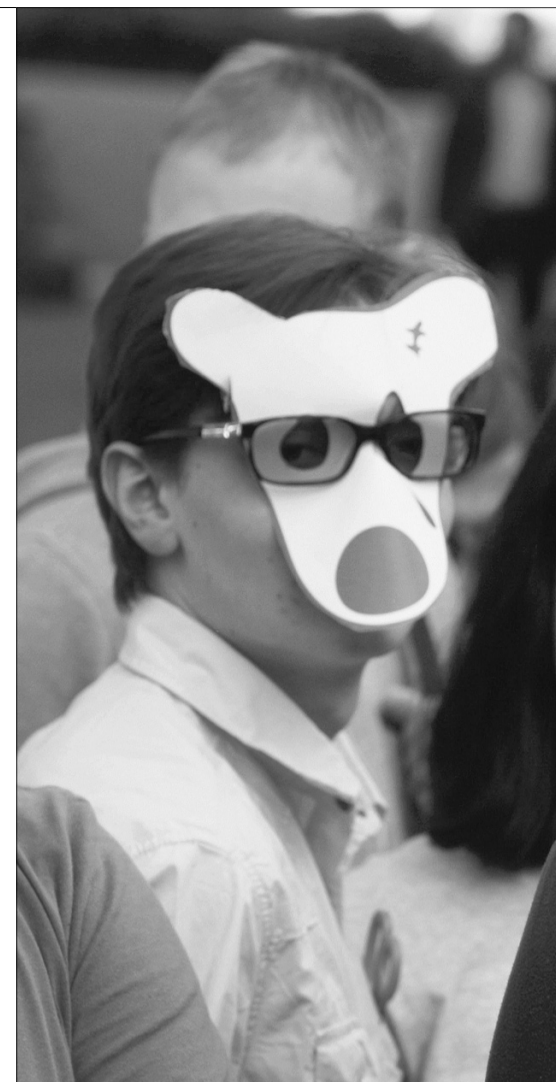
Жанровое своеобразие социальной сети Цукерберга заключалось в том, что культ лайка обслуживал особую форму самовыражения — ярмарку тщеславия, публичную демонстрацию социального успеха и достатка. Причем под успехом понималось не позирование на капоте «Мазды» соседа, а check-in'ы в аэропорту Heathrow, скачающие селфи на веранде арендованного дома в Марбелье и бутылки шампанского в серебряных ведрах мишленовских ресторанов.

LinkedIn с самого начала привлек к себе отстраненный от жизни российско-

го общества сегмент, главным вождением которого являлось трудоустройство на международном рынке. Жанровое своеобразие LinkedIn определяло и язык самовыражения его пользователей: здесь что ни пост — то резюме или фотография диплома, полученного после окончания очередных курсов повышения квалификации.

На десятом году экспансии социальных сетей в Рунете случилась революция, которую мало кто предвидел: молодежь, так и не закрепившись в «ВКонтакте», массово мигрировала в YouTube и Instagram.

Слово «революция» я использовал потому, что исход молодежи из традиционных социальных площадок не был реакцией на приземленность «Одноклассников», снобизм фейсбука и аморфность «ВКонтакте», а стал следствием радикального отказа от вербальной формы самовыражения в принципе. Отказ этот довершил процесс формирования homo digitalis, обусловленный невозможностью интенсивного познания в условиях гиперинформационной среды. Оказалось, что вербальное самовыражение мешает коллекционированию случайных фактов, поверхностным оцен-

Лайки И

Как пользователи «ВКонтакте» стали врагами власти № 1

кам, клиповому сознанию, неумению концентрироваться на объекте дольше минуты, мемизации памяти и возврату к стабильному мифологическому мышлению.

На уровне языка революция проявилась в том, что новое цифровое поколение заклеило *лонгридом* не только многостраничные описания, но и вообще *любой текст!* Самовыражение, оформленное словами, стало казаться длинным, скучным и безвкусным. Идеальная для homo digitalis форма самовыражения — *визуальный ряд*. Неудивительно, что сегодня YouTube и Instagram заме-

мира и единомыслия, а также их реверса — нетерпимости к чужому мнению.

Возвращаемся теперь к вопросу, заставившему нас свести многообразие жизни к языкознанию, а именно: почему российские власти проявляют эксклюзивную «заботу» о мыслях пользователей «ВКонтакте»?

Судя по экспертным заключениям, которые пишутся сегодня для обвиняемых по 282-й статье, власть по-прежнему не сильна в языкознании, зато, как и полагается прямой наследнице, демон-

« В основе всех социальных сетей лежат два универсальных принципа: потребность людей в самовыражении и их тяга к *социальному поглаживанию по головке*, которое в цифровом мире обрело форму лайков »

стрирует безупречное классовое чутье.

Материально независимые нарциссы из фейсбука, тем более — «отрезанные ломти» из LinkedIn, одной ногой уже стоящие в эмиграции, неинтересны власти и неперспективны для профилактической проработки. Равнодушна власть к YouTube и Instagram, где кучкуется аполитичная молодежь, в массе своей (как и полагается молодежи всех эпох и весей) заиклившаяся на романтических взаимоотношениях и поиске места в жизни.

Речь, разумеется, не идет о тех 2–3% подрастающего поколения, которые

Zuma / TASS

Фронтонда

неудачно выбрали для самовыражения политику и тем самым обрекли себя на жесточайшее давление со стороны госмашины. Достаточно вспомнить о судьбе участников последних протестных акций или о деле «Нового величия», чтобы удостовериться: иммунитет YouTube и Instagram обеспечивает не возрастной фактор аудитории, а именно язык визуального самовыражения.

Неинтересны для власти и графоманы «Живого журнала», о существовании которых сегодня не догадывается большинство обитателей реального мира. Что касается «Одноклассников», то контингент этой социальной сети во все времена выступал и будет выступать опорой властных истеблишментов, а заодно — источником правильных голосований по любому вопросу на любом референдуме.

Вот мы и подошли к главному: на роль козла отпущения претендует один «ВКонтакте». Именно отсутствие выраженного жанрового своеобразия стало причиной, по которой эта социальная сеть превратилась в опасное для власти место, где кучкуется самая активная и пассионарная часть населения.

Аудитория «ВКонтакте» — разношерстная, не подпадающая ни под какие социальные клише, не имеющая единого языка самовыражения, к тому же — бунтарски-бакунианская. Уместно напомнить, что из года в год правительство США включает «ВКонтакте» в список самых злостных нарушителей копирайта и мировых рассадников пиратства.

Одним словом, «ВКонтакте» — это беспокойный омут без рычагов общего языка и жанра, за которые государству

« Именно отсутствие выраженного жанрового своеобразия стало причиной, по которой «ВКонтакте» превратилась в опасное для власти место »

было бы удобно дергать для осуществления контроля.

Стоит ли удивляться, что именно на эту социальную сеть приходится львиная доля внимания российской власти? Причем избирательные преследования по 282-й статье — лишь малая часть напряженной работы. Есть еще и широкая сеть внедренных осведомителей, есть интенсивный троллинг, направленный на выявление потенциально опасных массовых настроений, есть круглосуточное сканирование и фиксирование доминирующих трендов активности.

Самый опасный для власти язык паствы — это отсутствие единого языка. Самый тревожный жанр — это отсутствие определенного жанра.

Сергей ГОЛУБИЦКИЙ — специально для «Новой»

ОТ РЕДАКЦИИ

Ошибка 202

Призывы к декриминализации «экстремизма» становятся все громче

Кирилл МАРТЫНОВ
редактор
отдела
политики
и экономики

Российское антиэкстремистское законодательство, скреативленное депутатами Думы за последние десять лет, на полном ходу столкнулось с новой социальной реальностью, в которой у каждого гражданина есть площадка в интернете, пригодная для публичных заявлений. Больше 70% россиян пользуются интернетом, аудитория социальных сетей в стране приближается к ста миллионам, и все эти люди сегодня — в группе риска. Практически у любого пользователя сети можно найти контент, за который местные силовики могут отчитаться: разоблачили опасного экстремиста.

Целых четыре статьи Уголовного кодекса дублируют друг друга, наказывая граждан за картинки, мемы и лайки, и по каждой нужно отчитаться следователям и оперативникам. 280 статья УК наказывает граждан за призывы к экстремистской деятельности — и это первый «резиновый» состав, в который входят как призывы к насилию, так и рассуждения о статусе Крыма (280.1 УК РФ наказывает за призывы к нарушению территориальной целостности России). Знаменитая и еще более «резиновая» 282-я карает за разжигание ненависти и социальной вражды, причем к произвольной «социальной группе»; принятая после дела Pussy Riot 148 статья УК РФ — за оскорбление чувств верующих, и здесь деятельные представители разных конфессий уже несколько лет пишут друг на друга доносы. Наконец, 354.1 наказывает за реабилитацию нацизма, включая специальное наказание за неуважение к дням воинской славы России. По последней статье недавно судили жителя Магадана, позволившего себе критику маршала Жукова в переписке в «Одноклассниках».

Все эти законы, само собой, были приняты исключительно для нашего блага и для обеспечения стабильности. Теперь граждане с изумлением наблюдают за правоприменением, которое наступило в результате такого высококлассного законотворчества. Если сажать можно почти за все, стоит ли удивляться ежедневным новостям о новых уголовных делах по записям в «ВКонтакте»? Ведь законодатель разрешил.

Соответственно, распутать «антиэкстремизм» за счет корректировки судебной практики и даже амнистий уже не получится: слишком много было смелых инициатив на этот счет в последние годы. Для того чтобы граждане могли взять небольшую передышку от этой охоты за головами, властям придется придумать сценарий для тактического антиэкстремистского отступления. Возможно, в этом вопросе есть какие-то сомнения, так что мы готовы помочь. Чтобы снизить градус

конфликта, возникший на пустом месте и не преследующий ничьих интересов, включая интересы правящих элит, нужно прежде всего вывести из Уголовного кодекса 282-ю статью. Оскорбленные граждане могут по-прежнему судиться друг с другом в частном порядке, без помощи следователей и прокуроров, а особенно злостным «экстремистам» даже можно будет выписать административный штраф. Декриминализация 282-й статьи станет знаковой и скорректирует практику по остальным «антиэкстремистским» составам. Не надо бояться, что кто-то решит, что в Кремле слабаки. Просто немного не рассчитали рост аудитории соцсетей и числа потенциальных «преступников». Недавно тихо умер так называемый «реестр блогеров», который подавался как прорывная мера для упорядочивания интернет-общения и который был обречен с самого начала. 282-й тоже пора на покой.

« Практически у любого пользователя сети можно найти контент, за который местные силовики могут отчитаться: разоблачили опасного экстремиста »

Мы уже писали о том, что с предложениями о смягчении антиэкстремистского законодательства выступают такие неожиданные структуры, как компания-владелец крупнейших российских соцсетей Mail.ru Group и одновременно Синодальный отдел РПЦ по взаимоотношениям с обществом. Теперь с прямым призывом к декриминализации 282-й статьи и отмены 148-й выступили администраторы 50 крупнейших сообществ в «ВКонтакте» с совокупной аудиторией более 60 млн пользователей. В своей петиции на имя депутатов Госдумы они отмечают, что число осужденных за высказывания в соцсетях граждан может превысить 1000 человек, и называют ситуацию угрозой для фундаментальной ценности — свободой обмена информацией.

Следующий ход за властями. Портить отношения со всеми пользователями интернета в России сразу — это, наверное, не самая лучшая идея, если вы защищаете стабильность.

О том, как живут люди, попавшие в черный список Росфинмониторинга из-за публикаций в соцсетях, — в материалах **Татьяны ВАСИЛЬЧУК** и **Сергея САТАНОВСКОГО**

СТРАНИЦЫ 8–9, 22 ⇨